

И.В. Ставров

ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток

**Маньчжуры КНР:
правовые, социально-экономические
и культурные аспекты развития***

Широко известно, что в Китае проживают 56 национальностей. Ханьцы (собственно китайцы), представляют наибольшую по численности этническую группу, составляющую по данным переписи населения 2010 г. 1220,844 млн. чел. Национальные меньшинства проживают либо компактно, образуя административные национальные районы, либо смешанно с другими национальностями. Общая численность этнических меньшинств составила 111,966 млн. чел., или 8,4% жителей КНР. Одним из крупнейших неханьских народов являются маньчжуры, численность которых в настоящее время составляет 10,387 млн. чел.

Этногенез маньчжуров проходил на территории современного Северо-Восточного Китая. Они являлись потомками чжурчжэней и прочих проживающих в этом регионе народов. В начале XVII в. чжурчжэньские племена разделялись на три крупных племенных объединения: цзяньчжоуские чжурчжэни, чжурчжэни Хайси и «дикие чжурчжэни» – под последними китайцы понимали совокупность племён, живших на территории современного Приамурья. Основатель маньчжурского дома Нурхаци происходил от цзяньчжоуской ветви, и именно он смог объединить основные группы чжурчжэней, которые и

* Работа выполнена при поддержке гранта Отделения историко-филологических наук РАН, проект № 12-И-ОИФН-01 «Национализм и этноконфессиональные факторы в формировании и реализации внутренней и внешней политики стран Северо-Восточной Азии на рубеже XX–XXI вв.».

стали именоваться маньчжурами [8, с. 26–34]. Впоследствии, в середине XVII в. маньчжуры покорили Китай и основали иноземную династию Цин, просуществовавшую до Синьхайской революции 1911 г. Уже в 1930-е годы, вследствие агрессии Японии, в Маньчжурии было образовано марионеточное государство Маньчжоу-го, просуществовавшее до 1945 г. После 1945 г. Китайская Республика смогла установить суверенитет над территорией Маньчжурии, а уже после 1949 г., – времени образования КНР, – стали происходить значительные изменения как в конституционном строе страны, так и в сфере национальной политики, объектами которой стали и маньчжуры.

Предваряя анализ истории современного развития данного этноса, хотел бы отметить, что в КНР опубликовано довольно мало исследований по этой теме. Несмотря на издание узкоспециализированных журналов *Маньцзу яньцзю* и *Хэйлунцзян миньцзу цункань* и множества книг, вопросы современного развития маньчжуров рассматриваются в них крайне редко. В России публикаций на эту тему ещё меньше. По имеющимся у нас данным, современное положение маньчжуров стало предметом рассмотрения Н.Г. Векиловой¹ и А.Ю. Волковой, однако работа первой практически не доступна, а тезисы второй основаны на широко известных в нашей стране материалах. Аналогичная ситуация, насколько могу судить, сложилась и в западной историографии.

С образованием КНР (1949 г.) в стране начала формироваться новая модель национальной политики. «Временная программа НПКСК», а затем и Конституция 1954 г. законодательно закрепили основные права этнических меньшинств в Китае. Теперь запрещалась дискриминация населения по национальному, религиозному и т.п. признакам. Представители этнических меньшинств были допущены в органы государственной власти, им было предоставлено право на организацию в местах компактного проживания районной национальной автономии провинциального, окружного и уездного уровней. Так, например, на территории Северо-Восточного Китая и восточной Внутренней Монголии в 1950-е годы были основаны автономные образования корейцев, монголов, эвенков и ороочонов. Согласно сведениям В.С. Старикова, в то время маньчжуры неоднократно обращались с просьбами о создании автономии. Однако власти КНР, памятуя о существовании в недавнем прошлом Маньчжоу-Го, под различными предлогами отказывали им [12, л. 12].

Следует отметить, что время конца 1950-х – конца 1970-х годов, известное как период деструкции, было неблагоприятным как для развития страны в целом, так и межнациональных отношений, в частности. С началом кампании «большого скачка» фактически были

свёрнуты достижения начала 1950-х гг. и началась борьба с так называемым «местным национализмом» или национализмом неханьских национальностей. Многие неханьцы начали скрывать свою этническую принадлежность, стало ограничиваться использование национальных языков и письменности. Из принятой в 1975 г. Конституции, состоящей всего из 30 статей, были исключены положения, касающиеся развития языков и письменностей национальных меньшинств, регулирования на местном уровне финансовой деятельности. В ней отсутствовали указания о запрете национальной дискриминации и т.п. [7, с. 35, 41–42]. Лишь с переходом к политике реформ и открытости, власти Китая признали стратегическое значение национального вопроса, постепенно наметилась линия на возрождение принципов национальной политики 1950-х годов.

Такой поворот в национальной сфере сказался и на положении маньчжуров, которые в 1985–1990 гг. организовали 11 национальных районов уездной ступени в провинциях Цзилинь, Ляонин и Хэбэй (табл. 1).

Таблица 1. Национальные районы маньчжуров КНР

Провинция	Название автономного уезда	Дата образования	Площадь, км
Ляонин	Синьбинь-Маньчжурский	7 июня 1985 г.	4432
	Сюянь-Маньчжурский	11 июня 1985 г.	4506
	Цинъюань-Маньчжурский	6 июня 1990 г.	3932
	Бэньси-Маньчжурский	8 июня 1990 г.	3557
	Хуаньжэнь-Маньчжурский	10 июня 1990 г.	3555
Цзилинь	Куаньдянь-Маньчжурский	12 июня 1990 г.	6180
	Итун-Маньчжурский	30 августа 1989 г.	2522
Хэбэй	Цинлун-Маньчжурский	10 мая 1987 г.	3508
	Фэннин-Маньчжурский	15 мая 1987 г.	8765
	Вэйчан-Маньчжуро-Монгольский	12 июня 1990 г.	9220
	Куаньчэн-Маньчжурский	16 июня 1990 г.	1952

Таблица составлена автором на основе: [19, 2004, с. 639, 640].

Система районной национальной автономии имеет ярко выраженный унифицированный характер. Тем не менее, в местах компактного проживания у неханьцев есть право принимать положения, регулирующие конкретные местные условия. Так, например, положение об автономии Яньбянь-Корейского автономного округа закрепляет некоторые особые права в сфере экономики и образования. В «Положении о национальных волостях провинции Хэйлуцзян» (1988 г.) закреплено право местных народов «сообразуясь с местными

условиями, развивать сельское и лесное хозяйство, животноводство, подсобные промыслы, рыбную промышленность» (ст. 14) [10, с. 98–101]. В Положении о планировании рождаемости той же провинции также прописаны преференции, предоставляемые некоторым малочисленным народам в данной сфере [2, с. 477–479].

Такие положения действуют в каждом маньчжурском автономном уезде. Эти документы носят унифицированный характер и практически не отличаются друг от друга. Так, например, в Положении об автономии Итун-Маньчжурского автономного уезда провинции Цзилинь (1992 г.) зафиксировано, что вышестоящие органы власти не имеют права менять пропорцию маньчжуров и иных неханьцев в административных органах уезда (ст. 10). Однако это практически дословное воспроизведение текста Закона о районной национальной автономии. В сфере экономических прав закреплена позиция о приоритетном использовании местными властями ресурсов уезда (ст. 14) [14]. Аналогичные меры прописаны и в других подобных документах, принятых в остальных маньчжурских автономиях.

Помимо национальных уездов неханьцам предоставлено право создания национальных волостей, формально не входящих в систему районной автономии ввиду невозможности реализации автономных прав для столь мелких административных единиц, тем не менее они дополняют её на местном уровне [10, с. 98–101]. Первые национальные волости были образованы маньчжурами в 1950-е годы, но с началом «большого скачка» их объединили с другими территориальными единицами. В настоящее время в КНР действует 148 (из них 33 совместно с другими этносами) национальных волостей и посёлков [19, 2011, с. 550–619].

Таким образом, современное законодательство Китая создаёт предпосылки для сохранения самобытности неханьских национальностей, включая и маньчжуров, через механизм районной национальной автономии, гарантии основных гражданских прав. Несмотря на несовершенство юридической базы и системы национальной автономии, тем не менее, она сыграла немалую роль в поддержании и развитии национальных культур.

Демографическое развитие маньчжуров в период КНР имело свои особенности, которые сформировались под влиянием реализации национальной и демографической политики. С 1953 по 2010 гг. их численность возросла в 4,3 раза (табл. 2), однако демографическая динамика не была сбалансирована. Согласно материалам переписей населения рост численности маньчжуров с 1953 по 1964 гг. составил 12,3% (на 296,45 тыс. чел.), и с 1964 по 1982 г. – в 1,6 раза (на 1609,31 тыс. чел.), а с 1982 по 1990 гг. перепись зарегистрировала

очередной «скачок» – в 2,28 раза (на 5541,79 тыс. чел.). Лишь в последнее время демографическая динамика показывает вполне естественные изменения в населении изучаемого народа.

Таблица 2. Динамика численности маньчжуров КНР (1953–2010 гг.), тыс. чел.

Регион	1953	1964	1982	1990	2000	2010
Всего	2399,22	2695,67	4304,98	9846,77	10682,26	10387,95
Пекин	80,908	113,290	116,710	44,420	250,286	336,032
Тяньцзинь	4,695	-	16,642	17,277	56,548	83,624
Хэйлунцзян	630,317	617,232	913,496	789,821	1037,080	748,020
Цзилинь	333,448	338,043	519,094	727,630	993,112	866,365
Ляонин	1098,747	1232,975	1990,931	3649,806	5385,287	5336,895
Хэбэй	58,699	281,845	383,898	1528,503	2118,711	2169,311
АРВМ	18,354	50,960	237,149	248,193	499,911	452,765

Таблица составлена автором на основе: [20, 1990, табл. 3-4; 20, 2000, табл. 1-6, 21, т. 1, с. 39; 22, с. 912–930].

В 1950-е – 1970-е годы демографическая политика в отношении неханьцев, как, впрочем, и ханьцев тоже, была весьма либеральна. В 1950-е годы предпринимались некоторые попытки в сфере планирования рождаемости, но они были мало результативными и не распространялись на этнические меньшинства. Однако очевидно, что только естественным приростом объяснить такие изменения тоже невозможно, поэтому стоит обратиться к специфике национальной политики в указанное время. Как уже упоминалось выше, в этот период неханьцы подвергались дискриминации. Так, в то время перекраивались административные границы Внутренней Монголии, Тибета и некоторых других многонациональных провинций. Гонениям было подвергнуто национальное духовенство в Синьцзяне, разрушались мечети и буддийские храмы по всей стране. Решено было переориентировать письмо уйгуров с арабской на латинскую графику, даурам было отказано во внедрении кириллического алфавита (они до сих пор не имеют письменности) и т.п. Ввиду этого, причислять себя к национальным меньшинствам стало небезопасно. Именно с феноменом «скрытой этничности» ряд учёных связывают такие демографические «скачки» [11, с. 147–148]. С урегулированием национальной политики люди перестали скрывать свою национальную принадлежность. Весьма вероятно, что и ряд ханьцев (особенно состоявших в смешанных браках) стали причислять себя к неханьцам, что было особенно выгодно на фоне послаблений в политике планирования рождаемости

и предоставления льгот и преференций компактно проживающим группам национальных меньшинств (см. пример хэчжэ в: [10]).

Ещё одной тенденцией стало старение маньчжурского населения, что в целом характерно для китайского общества. Если доля молодежи до 14 лет в 1990 г. составляла 30,78 %, а пожилых людей старше 65 лет – 4,11%, то в 2000 г. это соотношение было 23,99% и 5,64%, а в 2010 г. – 16,90% и 6,71% [18, с. 10; 21, с. 211–213]. Старение вызвано сокращением рождаемости, а также увеличением средней продолжительности жизни. Согласно материалам выборочного обследования, проводимого в период переписей 2000 и 2010 гг. число рождений на одну женщину фертильного возраста составляло 1,16 в оба периода, тогда как в 1990 г. это значение было 1,80 [20, 1990, табл. 3-30], т.е. ниже коэффициента замещения. Таким образом, тенденция к снижению числа детей, проявившаяся в 1990 г., в дальнейшем стала усиливаться².

С этими данными вполне коррелируют материалы обследования маньчжурской деревни Яочжань, расположенной в Синьбинь-Маньчжурском автономном уезде пров. Ляонин. В последний раз положительный коэффициент естественного прироста пришёлся на 1990 г. (3,22%), в 2000 г. он составил уже -4,1%, а 2002 равнялся -16,8% [15, с. 31].

В последний межпереписной период наметилась тенденция к снижению численности маньчжуров на 294,31 тыс. чел. с 2000 по 2010 гг. В целом данная ситуация вполне закономерна. Во-первых, маньчжуры перестали подпадать под преференции политики ограничения рождаемости. Во-вторых, вследствие ускоренной урбанизации в КНР начинает меняться и демографическое поведение, нацеленное на меньшее количество детей, что привело к завершению демографического перехода у маньчжуров [11].

Интересен вопрос о распространённости межнациональных браков. Среди тунгусо-маньчжурских народов такие браки встречаются очень часто. Результаты обследования неханьцев середины 1990-х годов показали, что эвенки Внутренней Монголии вступали в межэтнические браки в 47,92% случаев, у ороحوнов Хэйлунцзяна – 46,57%, хэчжэ – 70,4%. В целом в КНР такие союзы расцениваются как процесс консолидации китайской нации [6, с. 199]. Нередко, однако, китайцы создают семьи с неханьцами из-за возможности пользоваться экономическими преференциями³. Среди маньчжуров, вероятно, эти браки тоже распространены, однако нам не удалось найти соответствующих исследований по данной проблеме. Материалы обследования деревни Яочжань показывают, что здесь браки с ханьцами заключались довольно редко. Так, в 1979 г. лишь один брак из шести

был межнациональным, в 1990 и 2002 гг. – ни одного из девяти, в 2000 г. – два брака были совместными с ханьцами [15, с. 128]. Однако на основании лишь одного примера трудно составить всеобъемлющую картину.

Маньчжурский этнос относительно сильно затронула урбанизация. В 2010 г. в городах и посёлках проживало 43,74% населения, в волостях и деревнях – 56,26%; в 1953 г. – 80% было селянами [1, с. 163]. Однако качество такой урбанизации невелико, лишь 25,11% населения размещено собственно в городах, остальные 18,63% – в посёлках (*чжэнь*), в которых сельскохозяйственный труд пока превалирует над другими его формами.

Основная часть маньчжуров проживает в Северо-Восточном Китае, но с момента 1-й переписи населения КНР их доля в регионе постепенно сокращается. В 1953 г. их здесь насчитывалось 85,96%, в 1964 г. – 81,17%, в 1982 г. – 79,52%, в 1990 г. – 52,47 %, в 2000 г. – 69,41 % и в 2010 г. – 66,91%. Уменьшение численности маньчжуров в Дунбэе вызвано ростом миграционных процессов, что наглядно проиллюстрировано в табл. 2.

Рассматривая демографическую динамику народа на региональном уровне, можно увидеть большие «волны» в численности этого этноса в Пекине и Хэйлунцзяне, где население то резко росло, то наоборот сокращалось, то вновь возрастало. В Пекине и, вероятно, в Хэйлунцзяне такое резкое сокращение численности маньчжуров в 1990 г. вполне могло быть вызвано известными событиями на площади Тяньаньмэнь и последовавшим резким ограничением миграции населения. В последующее время заметные изменения численности маньчжуров в регионах вполне могли быть обусловлены всё усиливающимися миграционными процессами. Так, например, население северо-восточных провинций КНР довольно активно переселяется в Ляонин (из Хэйлунцзяна и Цзилиня), а из него – в Тяньцзинь, Пекин и другие регионы [3; 4, с. 18–19].

В связи с этим необходимо рассмотреть социально-экономическое развитие маньчжурских автономий. Экономика районов национальной автономии характеризовалась постепенным ростом ВВП (табл. 3). Так, увеличение этого показателя в среднем по маньчжурским автономиям Хэбэя составило 2,6 раза за десятилетие с 1993 по 2003 гг. и в 4,5 раза за 7 последующих лет. В Ляонине ситуация складывалась аналогично, сначала рост в 2,3 раза, затем – в 3,4 раза, а в Цзилине – 2,9 и 3,6 раз. Изменения ВВП не всегда коррелировали с общепроvincиальными показателями. В Хэбэе, например, в период 1993–2003 гг. объёмы производства росли быстрее, чем в неханьских районах, а в

Ляонине и Цзилине развитие носило более скоординированный характер. Сами по себе эти данные малоинформативны, если не сравнить их с провинциальными значениями. Так, доля хозяйства автономий маньчжуров Хэбэя за весь рассматриваемый период практически не изменилась, а вот в Ляонине напротив ситуация в относительных величинах стала несколько хуже. Тем не менее, социально-экономическая обстановка в изучаемых районах далека от неудовлетворительной.

Таблица 3. Основные показатели социально-экономического развития маньчжурских автономий КНР (1993, 2003, 2010 г.)

Административная единица	Доля неханьского населения, %	ВРП, в млрд. ю. *	ВРП на душу населения, ю.	Доходы региональных бюджетов, млн. ю.	Чистые доходы сельского населения, ю.
Цинлун-Маньчжурский	64,0	0,683	1294	27,95	488
	68,40	1,975	3824	67,0	1156
	69,59	7,761	14259	390,0	3908
Фэннин-Маньчжурский	64,6	0,695	1921	24,25	526
	68,05	1,949	5123	59,0	1412
	70,88	5,208	13125	251,0	3057
Вэйчан-Маньчжуро-Монгольский	50,6	0,929	1862	32,86	855
	57,84	1,956	3792	40,0	1508
	58,07	5,618	10531	188,0	3097
Куаньчэн-Маньчжурский	62,3	0,520	2258	29,21	992
	63,5	1,628	6961	48,0	1821
	65,55	15,901	64549	432,0	5431
Сюань-Маньчжурский	88,9	1,382	2833	43,37	957
	79,95	5,484	10902	108,0	2995
	90,30	15,463	29744	664,0	7343
Синьбинь-Маньчжурский	77,9	1,256	3964	31,42	913
	73,5	2,869	9356	74,0	2950
	74,20	7,661	25419	522,0	6483
Цинъюань-Маньчжурский	60,2	1,133	3253	36,19	1040
	61,0	2,597	7603	74,0	2800
	65,0	9,403	27916	721,0	6612
Бэньси-Маньчжурский	60,7	2,188	7385	47,47	1116
	63,85	3,062	10209	110,0	3268
	65,77	11,836	40415	900,0	7915
Хуаньжэнь-Маньчжурский	49,0	0,756	2448	27,58	806
	59,0	2,714	8958	109,0	3134
	59,0	11,365	37655	710,0	6922

Куаньдянь- Маньчжурский	52,9	1,884	4225	66,56	1164
	54,92	3,804	8717	106,0	2328
	59,11	14,186	32625	1034,0	7537
Итун- Маньчжурский	39,4	1,011	2331	43,22	930
	39,71	3,032	6500	99,0	2387
	38,07	11,180	23225	252,0	6270

* Примечание: За 1993 г. приводятся данные валовой стоимости промышленности и сельского хозяйства. Первая строка таблицы – 1993 г., вторая – 2003, третья – 2010 г.

Таблица составлена автором на основе: [19, 1949–1994, с. 140–143; 19, 2004, с. 268–271; 19, 2011, с. 184–187].

Изучение изменений ВВП даёт лишь общее представление об экономической ситуации в национальных районах, однако хозяйство их слишком мало, чтобы поспевать за экономическим ростом провинции, поэтому следует рассмотреть качественные показатели: уровень доходов населения, особенно сельского. Согласно статистическим данным, чистые средние доходы сельских жителей маньчжурских национальных районов составили: в пров. Хэбэй – 715 ю. в 1993 г., 1424 ю. в 2003 г. и 3873 ю. в 2010 г.; в пров. Ляонин – 999 ю., 2912 ю. и 7135 ю.; в пров. Цилинь – 930 ю., 2387 ю. и 6270 ю. соответственно⁴, в то время как в среднем по провинциям доходы крестьян составляли: в Хэбэе – 803 ю., 2853 ю. и 5958 ю.; в Ляонине – 1161 ю., 2934 ю., 6908 ю. соответственно по годам. Сравнение данных показывает, что в Хэбэе уровень доходов населения маньчжурских автономий заметно отставал от среднепровинциальных значений, в Ляонине наоборот доходы практически сравнялись, а в Цилине заметны колебания, не имеющие принципиального значения. Таким образом, можно предположить, что некоторая часть маньчжуров Хэбэя формировала миграционный поток в Пекин и Тяньцзинь, а также Ляонин (по крайней мере до 2000 г.). Однако данные переписи свидетельствуют о росте численности маньчжуров «столичной» провинции Китая и фиксируют значительное снижение их в Хэйлунцзяне и Цилине. Это противоречие вполне можно объяснить тем, что численность изучаемого народа, проживающего в национальных уездах, сравнительно невелика и формирование миграционных потоков приходится на жителей многочисленных волостей и других местностей. В Хэбэе же, несмотря на сравнительно низкие доходы селян, рост маньчжурского населения связан с близостью столицы и возможностью работы там, а также в иных крупных городах провинции.

К сожалению, по провинции Хэйлунцзян сведения весьма ограниченные. В 1999 г. чистые доходы маньчжуров-селян составляли

2191 ю., что незначительно выше среднепровинциальных значений (2166 ю.). Коэффициент Энгеля равнялся 48,0, т.е. значительная часть расходов тратилась на обеспечение основных витальных нужд. Таким образом, на рубеже XX–XXI вв. положение маньчжуров здесь практически не отличалось от остальных регионов [17, с. 22, 23, 27]. В целом, согласно обследованию известного демографа Чжан Тяньлу, в середине 1990-х годов маньчжуры относились к народам с высоким качеством жизни (вместе с сибо, корейцами, даурами и др.) [6, с. 205].

Сохранение этноса и его культуры во многом связано с ведением хозяйства. Традиционно маньчжуры занимались земледелием и животноводством. В земледелии преобладало культивирование пшеницы, гаоляна, проса, кукурузы, суходольного риса, бобовых, арахиса, подсолнечника и др. Материалы обследования деревни Яочжань показывают, что структура земледелия с 1949 г. несколько изменилась. Так, в период КНР здесь практически не выращивали пшеницу и подсолнечник, что позволяет предположить, что и до этого времени специализация села была иной. Однако интересны изменения, связанные с культивированием гаоляна и проса. Если в 1949 г. под гаолян было отведено 500 му пахотной площади, то в 2002 г. только 6, а просо вообще перестали выращивать. Зато увеличились территории, занятые кукурузой и соей, что, очевидно, вызвано большей их товарностью, особенно актуальной в эпоху изменившейся экономической реальности. В период Народной Республики здесь также начали культивировать поливной рис, однако, несмотря на то, что под ним занято 180 му (в 2002 г.), его культивирование заметно сократилось (с 615 му в 1958 г. – во время начала «большого скачка»). Изменились и способы обработки земли – в настоящее время активно используется специальная техника, вместо традиционных орудий [15, с. 63, 65].

Маньчжуры уже на протяжении нескольких веков проживают совместно с китайцами и давно заимствовали образ жизни жителей страны, которую когда-то захватили. На протяжении длительного времени они постепенно утрачивали родной язык, культуру. Если ещё в 1950-е годы маньчжурскую речь можно было услышать в сельских районах Северо-Восточного Китая [12, л. 13, 14], то в наше время маньчжурский язык практически не используется. Согласно сообщению агентства Синьхуа, в 2008 г. в КНР лишь около 100 человек владели маньчжурским [5]. По личным наблюдениям автора, посетившего в 2007 г. Итун-Маньчжурский автономный уезд, ситуация с использованием родного языка коренной национальностью безрадостная. Однако в КНР прилагаются усилия по сохранению традиционной культуры неханьцев. Создаются музеи, центры изучения маньчжурского языка, издаются работы, посвящённые традиционной

культуре, стимулируется выпуск литературы на языках некоторых неханьских национальностей. В упомянутом Итуне открыт интересный музей истории маньчжуров и на окраине городка представлена реконструкция капища. Под Шэньяном в одной из национальных деревень также образован музей «под открытым небом». Экспозиции, посвящённые маньчжурам, представлены в музеях национальностей Пекина, пров. Хэйлуцзян и др. Однако этот интерес часто связан с развитием туризма, что, по моему мнению, позитивно сказывается на сохранении культурного наследия.

Немалое значение в культурной жизни КНР играет развитие литературы неханьцев. Из маньчжурских авторов наиболее известен в нашей стране Лао Шэ, однако в последние десятилетия вышло немало произведений других писателей. Например, Чжу Чуньюй известен романом «Кровавое дерево Боди», в котором автор рассказал о различных страницах истории маньчжуров. Национальному характеру своего народа посвятил роман «Десять дней в деревне Цзянь Шань» Ма Цзя [9, с. 48, 49]. В Китае периодически издаются антологии литературы национальных меньшинств, сборники народных песен и т.п.

В области развития образования маньчжуры достигли немалых успехов. Уровень грамотности у них довольно высокий. В 2000 г. коэффициент неграмотности составил 5,54%, тогда как у ханьцев он равнялся 8,6%. Самое же плачевное положение в сфере распространения просвещения было зарегистрировано у тибетцев — 47,55% [19, 2004, с. 500] <http://www.doc88.com/p-606277738744.html>. Выборочное однопроцентное исследование, проводившееся в 2005 г. показало, что неграмотными среди маньчжуров было уже 4,9% человек. Сокращение, по-видимому, связано с тем, что неграмотными являются постепенно уходящие представители старшего поколения. По результатам переписи 2010 г. в пров. Хэйлуцзян было зарегистрировано лишь 1,77% неграмотных представителей изучаемого народа (3,98% в 2000 г.) [13]. По стране в целом детализированная статистика за 2010 г. не публиковалась.

На развитии маньчжуров в XX в. сказывалось их историческое прошлое как народа-завоевателя Китая, а затем как титульной нации Маньчжоу-Го. Ввиду этого им пришлось потратить немало усилий по сохранению своего наследия, да и просто чтобы полностью не раствориться в толще некогда покорённого народа. Тем не менее, конец XX в. принес свои позитивные плоды: они добились учреждения собственных национальных районов уездной ступени, смогли основать новые и восстановить старые национальные волости, в которых им

проще было культивировать культуру своего народа. С началом политики реформ и открытости маньчжуры постепенно научились не скрывать национальную принадлежность, о чём красноречиво свидетельствуют материалы переписей населения. В XX в. произошли сдвиги в их укладе жизни: изменилась экономика, возросла доля городского населения, стали расти доходы, стала абсолютно преобладать грамотность. Всё это говорит о том, что несмотря на утрату части «автохтонного» наследия, маньчжуры не превратились в «этнографическую» группу, а продолжают развиваться как современный народ.

Примечания

¹ Статью Н.Г. Векиловой [1] нам удалось разыскать в Отделе литературы «для служебного пользования» РГБ.

² Здесь стоит отметить, что как минимум с 1980-х годов наметилась тенденция сокращения размера семьи. Если в 1981 г. семьи с тремя и более детьми составляли 12,58% маньчжурского населения, то в 1989 г. – 7,01%, 1999 г. – 1,59%, а в 2005 г. – 2,02% [16, с. 633].

³ По сообщению к.и.н. Ю.В. Латушко, участвовавшего в японо-российской экспедиции (сентябрь 2012 г.) в районы проживания хэчжэ (посёлки Бача, Цзецзинькоу, Аоци и др.), в национальных посёлках китайских нанайцев уровень жизни ханьцев нередко ниже, чем у представителей тигунской национальности.

⁴ Отметим, что мы приводим усреднённые значения доходов сельского населения. Они отличаются по различным уездам, что наглядно представлено в табл. 3.

Литература

1. *Векилова Н.Г.* Положение маньчжуров в КНР // Актуальные проблемы внутреннего развития стран Дальнего Востока и изменения в расстановке сил Азиатско-Тихоокеанского региона. Ч. 2. М.: ИДВ АН СССР, 1987. С. 163–172.

2. *Веремейчик А.С.* Законодательное регулирование демографической политики в Китае (на примере Северо-Восточного региона) // 43-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Т. XLIII. Ч. 2. М., 2013. С. 474–485.

3. *Веремейчик А.С.* Регулирование внутренней миграции в КНР (на примере северо-восточного региона) // Россия и АТР. 2013. № 4. С. 35–49.

4. *Веремейчик А.С.* Современные тенденции в развитии населения Северо-Восточного Китая // Северо-Восток Китая в 2012 г.: политика, экономика и социально-демографическое развитие. У карты Тихого океана. Владивосток, 2013. № 30 (228). С. 16–21. [Электронный ресурс]. URL: <http://ihaefe.org/files/pacific-ocean-map/30.pdf> (Дата обращения: 20.02.2014)

5. В пров. Цзилинь открыт первый в Китае Центр по изучению маньчжурского языка и культуры. [Электронный ресурс]. URL: http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2008-10/13/content_739026.htm (Дата обращения: 17.01.2009)

6. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура, 1995–1996. М.: Вост. лит., 1997.
7. Конституции Китайской Народной Республики 1954, 1975, 1978 и 1982 годов. М.: Наука, 1983.
8. *Мелихов Г.В.* Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974.
9. *Рябченко О.Н.* Литература Северо-Востока КНР в период реформ // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 3. С. 40–51.
10. *Ставров И.В.* Положение народа хэчжэ (нанайцев) в современном Китае: проблема сохранения традиционной культуры // Записки Гродековского музея. Вып. 28. Хабаровск: ХККМ, 2013. С. 97–113.
11. *Ставров И.В.* Тенденции демографического развития неханьских национальностей Северо-Восточного Китая (начало XXI в.) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 4. С. 146–151.
12. *Стариков В.С.* Докладная записка о современном положении тунгусо-маньчжурских народов КНР // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 1. № 763.
13. Во шэн шаошу миньцзу жэнькоу цзибэнь чжуанкуан фэньси (Анализ основных показателей народонаселения провинции Хэйлунцзян). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hlj.stats.gov.cn/jjfx/jdfx/16169.htm> (Дата обращения: 29.03.2014).
14. Итун маньцзу цзычжисянь цзычжи тяоли (Положение об автономии Итун-Маньчжурского автономного уезда) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.seac.gov.cn/gjmw/zcfg/2005-05-11/1169530562607785.htm> (Дата обращения: 14.11.2013).
15. Маньцзу: Ляонин Синьбиньсянь Яочжаньцунь дяоча (Маньчжуры: обследование деревни Яочжань уезда Синьбинь пров. Ляонин) / Под ред. *Чжан Сяоцзона и Хэ Сяофана*. Куньмин: Юньнань дасюэ чубаньшэ, 2004.
16. Синь Чжунго жэнькоу люши нянь (Население Китая за 60 лет). Пекин: Жэнькоу чубаньшэ, 2009.
17. Хэйлунцзяншэн шаошу миньцзу нунцунь цзюйминь цзятин шэнхо чжуанкуан хэ шэнхо чжилян дяоянь баогао (Доклад о качестве жизни и современном положении сельских домохозяйств национальных меньшинств пров. Хэйлунцзян) // Хэйлунцзян миньцзу цункань. 2000. № 4. С. 21–30.
18. *Чжоу Фан, Лэй Цзин.* Цзеду «у пу» дэ шаошу миньцзу жэнькоу (Комментарий к 5-й переписи национальных меньшинств) // Чжунго миньцзу. 2003. № 9. С. 10.
19. Чжунго миньцзу тунци няньцзянь 1949–1994, 2004, 2011 (Статистический сборник национальностей КНР, 1949–1994, 2004, 2011). Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, 1994, 2004, 2012.
20. Чжунго 1990, 2000 нянь жэнькоу пуча цзыляо (Материалы всекитайской переписи населения 1990 г., 2000 г.). Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, 1992, 2002. (На CD-ROM).
21. Чжунго 2010 нянь жэнькоу пуча цзыляо (Материалы всекитайской переписи населения 2010 г.). В 3-х т. Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, 2012.
22. Чжунхуа жэньминь гунхэго жэнькоу тунци цзыляо хуйбянь. 1949–1985 (Сборник статистических материалов по народонаселению КНР. 1949–1985). Пекин: Чжунго цайчжэн цзинци чубаньшэ, 1988.

I.V. Stavrov

IHAE FEB RAS, Vladivostok

**Manchus in PRC: Juridical, Socio-Economic
and Cultural Aspects of Development**

The article analyses peculiarities of national autonomy in the Manchus, demographic characteristics, such as population, age structure, dispersal, migration, etc., as well as the problems of social and economic development, changes in the traditional economic structure of the people.